

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 82–91.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 82-91.

Научная статья

УДК 811.581'255:[81'27+316.7]

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА И КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Татьяна Дмитриевна Попкова¹, Фэн Вэнь²

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, tatyana3@mail.ru

² Российский университет дружбы народов, Китай, Циндао, 10422228133@pfur.ru

Аннотация. С позиции культурологии переводческий дискурс представляет собой сложный процесс сопряжения различных национальных культурных сфер (в нашем случае – кардинально отличающихся – китайской и русской), что требует особого внимания к интерпретации не только единиц текста, но в целом его содержания. Важность этого фактора для переводческого дискурса при анализе текстов и контекстовых структур китайского языка сегодня несомненна в связи с повышением интереса российских исследователей к современной и классической литературе Китая, а также необходимостью определения степени достоверности используемых источников в научно-исследовательских работах. В статье рассматривается влияние различий китайской и российской культур на стратегию перевода. Цель статьи состоит в анализе переводческой эквивалентности как основного показателя степени адекватности текста, полученного в результате перевода, первичному тексту. Авторы раскрывают национально-культурные различия двух языков, а также методы перевода, учитывающие различия в культурах двух стран, которые оказывают существенное воздействие на качество перевода. Использование комплексной переводческой экспликации позволяет объяснять значения слов в оригинальном тексте на примере традиционных для китайской культуры образов дракона и бамбука, широкая интерпретация которых раскрывает многообразие контекстов переводческого дискурса. Основные выводы исследования конкретизируют различие и сходство смысловых ассоциаций двух языков. Такой подход поможет лучше понять языковые особенности культуры обеих стран.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, национально-культурные различия, методы стратегии перевода, культура.

Для цитирования: Попкова Т.Д., Фэн Вэнь. Стратегии перевода и культурные различия (на материале китайского языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 82–91.

Original article

TRANSLATION STRATEGIES AND CULTURAL DIFFERENCES (BY THE MATERIAL OF THE CHINESE LANGUAGE)

Tatyana D. Popkova¹, Feng Wen²

¹ Perm State University, Perm, Russia, tatyana3@mail.ru

² Peoples' Friendship University of Russia, China, Qingdao, 10422228133@pfur.ru

Abstract. From the point of view of cultural studies, translation discourse is a complex process of combining various national cultural spheres (in our case, radically different – Chinese and Russian), which requires special attention to the interpretation of not only the units of the text, but its content as a whole. This article examines the impact of differences between Chinese and Russian cultures on translation and translation strategies. The importance of this factor for the translation discourse in the analysis of texts and contextual structures of the Chinese language today is undoubtedly due to the increased interest of Russian researchers in modern and classical literature of China, as well as the need to determine the degree of reliability of the sources used in research works. The aim of the article is to analyse translation equivalence as the main indicator of the degree of adequacy of the resulting text to the primary text. The authors reveal the national-cultural and natural differences between the two languages, as well as their methods of translation, considering the cultural differences of the two countries, which have a significant impact on the quality of translation. The use of complex translation transformation explication makes it possible to explain the meanings of words in the original text on the example of dragon and bamboo images, which are traditional and typical for Chinese culture. The semantic meaning and interpretation of these images allow us to see the diversity of contexts translation discourse. The main findings of the study concretise the differences and similarities of the semantic associations of the two languages. Such an approach will help to better understand the linguistic features of the cultures of both countries.

Keywords: Chinese, Russian, national and cultural differences, methods of translation strategy, culture.

For citation: Popkova T.D., Feng Wen. Translation Strategies and Cultural Differences (by the material of the Chinese Language). Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:82-91. (In Russ.).

Введение

Культурная парадигма науки о переводе была разработана на рубеже XX–XXI вв. Её основные принципы были сформулированы в работах российских и зарубежных лингвистов (Н. Хомского, З. Харриса, Э. Хэппа, Э. Эндрюс, Е. Максимова, Л.С. Бархударова, В.Н. Комисарова, Т.А. Казакова и другие). Для практики и теории современного переводоведения характерен повышенный интерес к проблеме *моделирования* перевода, в лингвистической, коммуникативной структурной, деятельностной сферах. Это, в свою очередь, влияет на алгоритмы перевода и его когнитивных установок и, безусловно, связано с компетенциями переводчиков. А.Д. Швейцер, в частности, предлагает рассматривать перевод как *процесс межкультурной коммуникации*, в процессе которого на основе целенаправленного анализа исходного текста создаётся вторичный текст, заменяющий первичный в иной языковой и культурной среде: «Какой бы “лингвистичной” ни была теория перевода, она не может не обрастать междисциплинарными связями с науками, изучающими социокультурные, психологические и иные аспекты речевой деятельности» [Швейцер 1988: 13]. М. Бейкер указывает на повышение интереса в науке к саморефлексии, метаязыку и метатеориям: «Каждый язык предлагает нам немного другой угол зрения, и их соотношение даёт нам больше возможностей. Языковые различия как таковые можно рассматривать, как неотъемлемую часть способности понимать этот мир и взаимодействовать с ним» [Бейкер 2008: 7].

С позиции культурологии переводческий дискурс представляет собой сложный процесс сопряжения различных национальных культурных сфер (в нашем случае – кардинально отличающихся – китайской и русской), что требует особого внимания к интерпретации не только единиц текста, но в целом его содержания. Китайский исследователь Лоу Юйле подчеркивал, что «порядок определённого языкового контекста определяет природу понятий, а не оторванный от языкового контекста абстрактный анализ некоторых слов» [Лоу Юйле 2023: 54]. Ж. Делиль обосновал восемь культуроформирующих функций перевода, среди которых мы будем ориентироваться на одну: «культуроформирующий фактор перевода» [Delisle 2014: 37–60].

Важность этого фактора для переводческого дискурса при анализе текстов и контекстных структур китайского языка сегодня несомненна в связи с повышением интереса российских исследователей к современной и классической литературе Китая, а также необходимостью определения степени достоверности используемых источников в научно-исследовательских работах. «В современных реалиях особенно остро встаёт вопрос о необходимости выстраивания диалога между культурами и понимания архетипических представлений, заложенных в сознании человека и этнической общности» [Арекеева, Шустова 2023: 33].

Основная часть

В настоящее время усилился обоюдный интерес китайских и российских учёных к сопоставительному анализу лингво-культурологических единиц. Современная китайская теория перевода глубоко связана с традиционными культурными ценностями, этикой и эстетикой [Song, Wang 2004]. Подобный подход расширяет как теорию, так и практику переводческого дискурса. «Культура включает в себя все продукты, которыми пользуется человеческое общество<...> не только материальные вещи, такие как города, организации, школы, но и нематериальные вещи, такие как мысли, привычки, языки...» [Дэн Яньчан, Лю Жунцин 2006: 108].

Основной целью переводческой работы является «достижение достоверности и адекватности» текста перевода оригинальному тексту, соответствие языковым нормам, преодоление / конкретизация различий семантических лексем и фразеологизмов, а также грамматики и стилистики, точность передачи информации, заложенной в исходном тексте.

Исследуя значение устойчивых словосочетаний, выражаемых в конкретных образах, следует применять *нарративный подход*, который позволяет рассматривать конкретный культурный феномен в различных социокультурных контекстах: «Нарратив – это, неизбежным образом, языковая структура» [Серенков 2016: 380]. Помогает в переводческом процессе и использование *семиотического метода*, который позволяет раскрывать различные устойчивые фразеологизмы в российской и китайской культурах.

Обосновать сходство и различие символического значения объекта в процессе переводческих трансформаций позволяют методы исследования трех основных уровней языка: лексического, грамматического и комплексного (лексико-грамматический) [Комисаров 1990].

Влияние национально-культурных различий на перевод. В национальных языках отражаются реалии, которые проявлены в материальной культуре, ментальности, мировосприятии, мировоззрении, исторических контекстах, традициях: «Язык тесно связан с культурой, а вопрос о сопоставлении языков близок к вопросу о сопоставлении культур» [Бейкер 2008: 24]. Китайский и русский языки принадлежат к двум разным языковым семьям: русский язык принадлежит к славянским языкам индоевропейской языковой семьи, в то время как китайский язык относится к сино-тибетской (китайско-тибетской) языковой семье. Это выражается в различиях моделей мира двух культур и проявляется в специфике национальных семантических единиц. В ходе тысячелетнего развития сформировались национальные языковые культуры, которые значительно отличаются друг от друга, что создаёт специфические трудности в переводе (смысловые конструкции не являются эквивалентными). Как представляется, «культуры различных типов в процессе своего исторического развития обнаруживают множество отличительных черт, которые объясняются региональной, национальной дифференциацией и различием конкретных исторических процессов в государстве [Лоу Юйле 2023: 144].

Наиболее ярким выразителем языковых национально-культурных различий являются мифы и мифологические символы, в которых отражены ментальность, духовность, иррациональность мира. Изображение мира в устойчивых словесных символах разных народов характеризует идеалистическое сознание, отражающее познание мира, что «является в то же время соприкосновением с миром иным» [Флоренский 1994: 178]. Склонность народов к символическому отражению тех или иных явлений окружающего мира имеет в своей основе мифологическое мировоззрение, которое сформировалось «в силу способности и склонности людей поэтически смотреть на всё окружающее и метафорически приписывать одним объектам свойства других объектов» [Георгиевский 1892: V].

Культуры Китая и России различны, поэтому многие названия предметов, образов и символов, бытующие в языках двух стран, имеют неодинаковые значения.

Рассмотрим в качестве примера китайского дракона – древнейшего волшебного существа в мире, образу которого насчитывается 8000 лет. Дракон – воплощение доброго начала, энергии «ян». Прообразом дракона, считают первочеловека Пань-гу (盘古), который имел тело змеи, а голову дракона. Образ дракона тесно связан с космогонией. Словосочетание «дракон (державший во рту) свечу» (Джу-лунь – 烛龙) объясняло появление северного сияния; согласно мифологии, дракон освещал полярные страны. Источником ветра считался «дух-дракон» (Шэнь-лунь – 神龙). Пар, поднимающийся с поверхности земли и превращающийся в облака, символизировал взлетающих драконов Юнь-чи («облачного (безрогатого) дракона» – 云螭) и Юнь-ци «облачного (рогатого) дракона» – 云虬). Драконом, производящим дождь, называли Хэй-луня («черный дракон» – 黑龙). Управителями водных стихий – морей, рек, озер – выступали три дракона: Хуань-лунь («желтый дракон» – 黄龙), Цзао-лунь («змеевидный дракон» – 蛟龙) и Пань-лун («извивающийся дракон» – 盘龙).

Представления китайцев о духах-драконах как правителях земных вод, живущих в «особых дворцах, приличных правителям людей» [Георгиевский 1892: 49], послужило основанием для называния драконом (龙) Императора и, как следствие, образ мифического существа трансформировался в благородный и драгоценный символ Императора Древнего Китая. Здесь «усматривается аналогия между драконом, поднимающимся с земли до небес, и государем – «Сыном Неба» – стоящим превыше всех людей в империи» [там же: 52].

Образ дракона вошёл в перечень главных культурных символов Китая и стал нарицательным во многих речевых конструктах. Многие китайские идиомы связаны с образом дракона, например: 龙飞凤舞 («Дракон летит», «Феникс танцует») – так говорят о красивой каллиграфии, характеризуя стремительные движения руки и изысканный почерк мастера; 龙马精神 («Лошадь с духом дракона») – так характеризуют наличие у человека в старости сильного духа.

Слово «дракон» присутствует и в повседневной разговорной речи китайцев:

- в названиях разнообразных предметов, еды (например, водопроводных кранов, выполненных в виде дракона; 龙须面 – «лапши с драконьей бородой» – традиционного блюда провинции Шаньдун, тонкой и длинной лапши, которая действительно внешне напоминает бороду дракона);

- в названиях праздников, например, 龙抬头 – праздника «Лунтайтоу» – традиционного китайского фестиваля, который проводится во второй день второго месяца китайского календаря (название переводится как «Дракон, поднимающий голову») и символизирует начало сезона дождей; дракон считается божеством, отвечающим за дождь, который имеет большое

значение для сельского хозяйства); праздника начала лета «Двойная пятерка» (端午), который отмечается пятого числа пятого месяца; наиболее известное его название – «Праздник драконьих лодок»;

– в архитектуре и каллиграфии, на фресках и рекламных плакатах, в фольклоре и поэзии (например, 九龙壁 – «Стена девяти драконов» на территории императорского дворца Гугун в Пекине).

При переводе слова «дракон» на русский язык часто возникают разночтения, искажающие смысл символа. Например, выражение 亚洲四小龙 («четыре дракона в Азии») часто используется для описания четырех регионов Азии (Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и Гонконга), которые развиваются наиболее быстрыми темпами. Однако для русского человека эта фраза оказывается малопонятна, так как при переводе на русский язык слово «дракон» традиционно переводилось как «тигр» [Лю Вэй 2003: 2].

В русской традиционной культуре есть несколько персонажей, которые выполняют аналогичные функции и которых при переводе на китайский язык нередко называют «драконами». Образы таких «драконов» в русской культуре столь же многообразны, как и в китайской. Важной особенностью этих существ является способность извергать огонь в случае нападения. Одним из таких древних славянских персонажей является многоглавое Чудо-Юдо, которое может выступать как в качестве положительного или отрицательного персонажа, так и олицетворять нейтральную силу. Пол Чуда-Юда мог меняться от мужского к женскому и даже среднему. Этот персонаж обладал способностью к регенерации – на месте отрубленной головы у него сразу же вырастала новая. Он жил на морском дне или за рекой Смородиной (воспринимавшейся в качестве границы между мирами живых и мертвых), которую можно перейти только по Калинову мосту; у него есть каменный дворец, в котором живут жены-колдуньи и мать-змеица. По мнению А.Н. Афанасьева, Чудо-Юдо символизировало мифического змея или дракона, олицетворявшего грозную тучу. Его полет ассоциируется с молнией, а когда он опускается на землю, то раздаются оглушительный гром и рассыпаются искры.

Другой вариант русского дракона – трехглавый (6, 9, 12-главый) огнедышащий Змей Горыныч, который во всех былинах выступает как несущий зло персонаж. Его жилище – горы, в пещерах которых он хранит сокровища – молодильные яблоки, живую воду; он владеет знаниями целебных и приворотных трав, а также охраняет вход в мир мертвых, а в некоторых легендах прячет царевну из «тридесятого царства» [Афанасьев 1995: 184]. В былинах XI в. описывается, как Змей Горыныч похищает красивых девушек, чтобы запугать народ. На юге Змея считали виновником засухи и пытались отогнать его.

В повседневной речи русских людей слово «дракон» практически не используется, так как данный персонаж является представителем злого начала; отсутствует этот образ и в народных поговорках и пословицах. Негативная оценка персонажа отражается в поучительной фразе «Если есть на свете дьявол, то не козлоногий рогач, а он дракон о трёх головах, и головы эти – хитрость, жадность, предательство». С трудом, но удалось найти пословицу о змее, напоминающей дракона: «Сваху лукавая – змея семиглавая» [Иллюстров 2019: 280].

Один из первых русских богатырей носил имя Горыня (Горыныч, Вернигора, Вергогор): это был горный великан, охраняющий тёмное царство, способный превращаться в Змея; он обладал необычной силой, был способен выворачивать из гор огромные камни и скалы, обрушивая их на своих неприятелей. Этимология имени Горыныч обнаруживается в словах «гореть» и «гора». Горыня – образ, олицетворяющий стихию природы.

Есть и другие имена у этого персонажа – Огненный змей, Огняник, Летавец; он умеет превращаться в красивого юношу, обладающего богатырской силой и имеющего несметные сокровища.

Другие варианты дракона в русской мифологии: Полоз – царь всех змей и драконов русской земли (след, который он оставляет после себя, указывает на залежи драгоценных камней и металлов); змей Велес (или Цмок) – покровитель земледелия и скотоводства (он закрывает небо дождевыми тучами и выгоняет на небесные пастбища облачные стада); Сем – покровитель и охранник дома и его обитателей; Чернобог – тысячеголовый змей – бог крепкого телесного здоровья, бог войны, храбрости и военных действий, бог победы и другие.

Образ дракона есть и в греческой мифологии, откуда он и был привнесён в русские фольклорные источники, связанные с сюжетом о подвиге святого Георгия (его изображение сейчас находится на гербе Москвы и является частью государственного герба России, символизирующего историческую драму народа, противостоящего Мировому Злу) [Драконы Древней Руси 2023].

Сопоставляя образы дракона в культурах Китая и России, мы можем увидеть как их сходство, так и различие. Сходство проявляется в природной принадлежности этого персонажа к природным стихиям – воде, воздуху, огню, а также местам их обитания, среди которых горы – одно из самых распространённых жилищ. Эти существа способны летать, проявляют необычные волшебные качества и воздействуют на жизнь людей. Имеются и принципиальные различия этих персонажей: в китайской мифологии дракон – это существо, олицетворяющее небесную силу, несущее благо и справедливость, и поэтому используется в качестве нарицательного образа, ассоциирующегося с высоким статусом человека и олицетворяющего изящный стиль в искусстве; в славянской мифологии это олицетворение зла, разрушения, неуправляемой силы. Учитывая разницу в трактовке образа дракона, переводчику в каждом отдельном примере необходимо обязательно давать соответствующие пояснения.

Влияние природных факторов на перевод. Китай и Россия находятся в разных географических и климатических условиях, что определяет различие в фауне и флоре. Это отражается на всех аспектах жизни, в том числе и на культуре. Например, в китайской культуре в качестве метафоры часто используется слово «бамбук». Это растение ассоциируется с такими личностными проявлениями человека, как скромность и честность. Выдающемуся китайскому поэту Су Ши (苏轼) принадлежат следующие слова: «宁可食无肉, 不可居无竹。无肉使人瘦, 无竹使人俗» («Лучше жить без мяса, чем без бамбука. Отсутствие мяса делает человека худым, а отсутствие бамбука – вульгарным») [Символы и аллегории китайского сада 2023]. Сравнение с бамбуком можно обнаружить в пословице 胸有成竹 – «Иметь готовый план в голове», которая подразумевает умение человека планировать, находить способы решения задачи, то есть всегда быть в полной готовности к действиям. Другие свойства бамбука – олицетворение стойкости, гармонии и умиротворенности, высоких духовных качеств, способность противостоять бедам и несчастьям – выражены в пословице: «Дворец встал прочно, его не вырвать из земли, как корни бамбуковой рощи». Аналогом может служить русская пословица: «Держись за дубок: дубок в землю глубок».

Е.С. Есенеева приводит ряд интерпретаций этого образа: с бамбуком сравнивают талантливого человека, наделённого исключительными качествами: «Бамбуковая стрела с юго-востока» («东南竹箭»); он рассматривается в качестве символа детства: непорочности, непосредственности и дружбы: «Зеленые сливы и бамбуковые лошадки» (青梅竹马»)

[Есенева 2022: 15–17]. Другим примером служит фраза: «Молодой бамбук после дождя» («雨后春笋»), смысл которой заключается в фиксации быстроты развития событий, аналогично звучит русская пословица: «Растут, как грибы после дождя».

Методы перевода с учётом культурных различий. Культурные различия существуют объективно, и поэтому в процессе перевода необходимо это учитывать и повышать эффективность перевода, используя национальный эквивалент. Перевод – это, по сути, исследовательская работа, сочетающая в себе технологию, искусство и язык. Наличие культурных различий между двумя странами очень важно учитывать переводчику: «Китайская культура обладает особой эстетической ценностью, поэтому теория перевода на китайский язык неизбежно будет глубоко проникнута духом традиционной китайской эстетики и культуры, демонстрируя отличительные культурные характеристики традиционной китайской эстетики» [Сун Хуа, Ван Чжэнжэнь 2004: 108]. Для корректной работы с культурными различиями при переводе следует использовать следующие методы.

(1) *Вольный перевод.* Этот метод перевода воспроизводит основную информацию оригинала с возможными отклонениями – добавлениями, пропусками и т. п.; при этом перевод текста осуществляется на более высоком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизмененного содержания при соблюдении норм переводящего языка [Паршин 2019: 6].

Например, китайская поговорка гласит: «一山不容二虎'» («Два тигра в одной горе не живут»). В китайской культуре тигр – символ силы и смелости, однако этот персонаж не имеет такого значения в русской культуре, а близкое ему по функциям в русской культуре – медведь, поэтому поговорку можно перевести как «Два медведя в одной берлоге не живут».

(2) *Транскрипция.* Этот метод чаще используется для перевода имен собственных. Слова в транскрипции обозначают только произношение и не имеют особенного смысла (например, столица России – Москва – транслитерируется по-китайски как 莫斯科 [Mòsīkē]), а также не несут какого-либо иного дополнительного значения. Приведем другой пример: слово «водка» на китайский язык транслитерируется как 伏特加 [Fútèjiā]. По причине взаимопроникновения китайской и российской культур китайцы могут понять его значение без дополнительного комментария.

Китайцы, жившие в Харбине, Даляне и других северных городах Китая, в начале XX в. использовали и другие трансформированные русские слова: *квас* – гэвасы, *капитан* – гэбидань, *хлеб* – леба, *платье* – булацзе.

В русском языке происходят аналогичные процессы: названия китайских продуктов часто переводятся на русский язык транскрипцией (粉条 – фунчоза, 豆腐 – тофу, 包子 – баоцзы и т. п.). Русскоязычные люди, проживавшие в Китае, часто прибегали к трансформированным китайским словам: *чифан* (есть, принимать пищу) – *чифанить*, *чифальня*; *гуньян* (девушка) – *куня*.

(3) *Объяснительный перевод.* Объяснение является текстом, который делает понятным то, что в трудно осмысляется по причине семантических различий слов и выражений. Это относится не только к переводу с одного языка на другой, но и к пояснениям, комментариям. Объяснения широко используются в просторечиях, идиомах. Чем более национально окрашены слова в тексте, тем ярче они отражают индивидуальность писателя: в этом случае перевод, как правило, требует особых разъяснений или комментариев.

Например, русская пословица гласит: «В Тулу со своим самоваром не ездят». Смысл данной пословицы – «делать что-либо лишнее, бесполезное», но китайцы, незнакомые с русской культурой, непонимают, что город Тула считается родиной самоваров.

Другой пример. Китайская поговорка «捡了芝麻，丢了西瓜» («Семечки кунжута собрали, а арбуз потеряли»), имеет смысл: «Из-за малого потерять большое». В русской культуре арбуз никак не соотносится с кунжутом и, естественно, понять эту китайскую поговорку трудно. Добавление комментария «Излишне заботиться о мелочах, забывая о главном» поможет понять русскому человеку смысл этой поговорки. В качестве аналога можно привести пословицу «Вместе с водой выплеснуть и ребёнка» или фразу из басни И. Крылова «А слона-то я и не приметил».

Заключение

Китайский и русский языки имеют разные культурные контексты, что закономерно приводит к многочисленным интерпретациям, использующимся в процессе перевода. Адекватное восприятие и понимание китайских образов возможно только при условии учёта историко-культурного контекста (высказываний известных людей, явных и скрытых цитат из легенд, преданий и т. п.) и этимологии языковых единиц (в том числе архаизмов и древних иероглифов). Стратегии перевода с китайского языка на русский предполагают вариативность в выборе методов и техник перевода с тем, чтобы получить наиболее качественный, репрезентативный вторичный текст. Наряду с семантическими различиями понятий можно указать на сходство в смысловых ассоциаций двух языков:

– многие образы носят символический характер, отражая ассоциативный ряд, существующий в сознании носителей языка (например, наделение человека свойствами и характеристиками объектов природы или, наоборот, очеловечивание природных явлений);

– образы и символы, характерные для обеих культур отражают национальную языковую картину мира и особенности мировоззрения носителей языка, раскрывают систему ценностей и особенности мировосприятия;

– тождественные по смыслу выражения (паремии) отражают глубинные связи общечеловеческой культуры.

Учитывая эти и другие факторы, влияющие на качество перевода, переводчики должны применять корректные методы перевода в соответствии с культурными контекстами, что помогает преодолевать смысловые препятствия, вызванные национальными различиями.

Список литературы

1. Арекеева Ю.А., Шустова С.В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «свой» в сознании носителей русского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 2. М.: Современный писатель, 1995. 396 с.
3. Бейкер М. Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания / пер. с англ. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.
4. Горыня [Электронный ресурс] // Древнерусский словарик. URL: <https://drevnerus.ru/gorynya/> (дата обращения: 27.03. 2023).
5. Драконы Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: <https://banallex.livejournal.com/555228.html> (дата обращения: 26. 03.2023).
6. Есенева Е.С. Китайские фразеологизмы с фитонимом «бамбук». Роль символического образа в интерпретации национальной картины мира / Е.С. Есенева, Д.В. Зубкова, Е.С. Асташова // Юный ученый. 2022. № 6 (58). С. 15–17.
7. Иллюстров И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок / Сост., предисл. и алфавит. указ. И.Н. Кузнецов / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Русская цивилизация, 2019. 912 с.

8. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.:Высшая школа, 1990. 253 с.
9. Лоу Юйле. Духовные основы китайской культуры / пер. с кит. Д.С. Топоровой, К.С. Титова, Н.Н. Рыбалко; науч. ред. д. филос. н., проф. А.И. Кобзев. М.: Шанс, 2023. 392 с.
10. Паршин А. Теория и практика перевода. М.: Наука, 2019. 205 с.
11. Серенков Ю.С. Нарратив в поле культурологического интереса: находки и перспективы // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 5А. С. 377–389.
12. Символы и аллегории китайского сада [Электронный ресурс].
URL.: <http://ru.gbtimes.com/kultura/simvoly-i-allegorii-kit>. (дата обращения 25.03.2023).
13. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. С. 17.
14. Флоренский П.А. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. 806 с.
15. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction, Editura Universitatii din Suceava. – Roumanie. 2014. № 21. С. 37–60.
16. 邓炎昌, 刘润清. 语言与文化—英汉语言文化对比 [M]. 外语教学与研究出版社, 2006:78. [Дэн Яньчан, Лю Жунцин. Язык и культура – Сравнение английского и китайского языков и культур [M]. Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2006. С. 78. (In Chinese)].
17. 刘巍, 浅淡汉俄文化差异对翻译中词语理解的影响[D], 北京师范大学, 2003:2-7.[D] [Лю Вэй. Влияние различий в китайской и русской культурах на понимание слов в переводе] // Пекин: Пекинский педагогический университет, 2003. С. 2–7. (In Chinese)].
18. 宋华, 王正仁. 从中国传统美学看中国翻译理论的“向心”文化特征[J]. 太原师范学院学报(社会科学版), 2004(1):108-110. [Song H., Wang Z. From the Perspective of Traditional Chinese Aesthetics on the «Central» Cultural Feature of Chinese Translation Theory // Journal of Taiyuan Normal University (Social Science Edition). China. 2004. № 1. pp. 108-110. (In Chinese)].

References

1. Arekeeva Yu.A., Shustova S.V. Modelirovanie assotsiativno-verbal'nogo polya kategorii «svoi» v soznanii nositelei russkogo yazyka [Modeling the associative-verbal field of the category "one's own" in the minds of native speakers of the Russian language]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2023, no. 1, pp. 33-42. (In Russ.).
2. Afanas'ev A.N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanii i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov [Poetic views of the Slavs on nature: the experience of a comparative study of Slavic legends and beliefs in connection with the mythical tales of other related peoples]. Vol. 2, Moscow, *Sovremenniy pisatel'*, 1995, 396 p. (In Russ.).
3. Beiker M. Atomy yazyka. Grammatika v temnom pole soznaniya [Atoms of language. Grammar in the dark field of consciousness]. Moscow, *Izd-vo LKI*, 2008, 272 p. (In Russ.).
4. Gorynya [Gorynya]. *Drevnerusskii slovarik*. (In Russ.). Available at: <https://drevnerus.ru/gorynya/> (accessed: 27.03.2023).
5. Drakony Drevnei Rusi [Dragons of Ancient Rus']. (In Russ.). Available at: <https://banallex.livejournal.com/555228.html> (accessed: 26.03.2023).
6. Eseneeva E.S. Kitaiskie frazeologizmy s fitonimom «bambuk». Rol' simvolicheskogo obraza v interpretatsii natsional'noi kartiny mira / E.S. Eseneeva, D.V. Zubkova, E.S. Astashova [Chinese phraseological units with the phytonym "bamboo". The role of the symbolic image in the interpretation of the national picture of the world]. *Yunyi uchenyi*. 2022, no. 6 (58), pp. 15-17. (In Russ.).
7. Ilyustrov I. Zhizn' russkogo naroda v ego poslovitsakh i pogovorkakh. Sbornik russkikh poslovits i pogovorok [The life of the Russian people in its proverbs and sayings. Collection of Russian proverbs and sayings]. Moscow, *Russkaya tsivilizatsiya*, 2019, 912 p. (In Russ.).
8. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow, *Vysshaya shkola*, 1990, 253 p. (In Russ.).

9. Lou Yuile. Dukhovnye osnovy kitaiskoi kul'tury [Spiritual Foundations of Chinese Culture]. Moscow, Shans, 2023, 392 p. (In Russ.).
10. Parshin A. Teoriya i praktika perevoda [Theory and practice of translation]. Moscow, Nauka, 2019, 205 p. (In Russ.).
11. Serenkov Yu.S. Narrativ v pole kul'turologicheskogo interesa: nakhodki i perspektivy [Narrative in the Field of Cultural Interest: Findings and Perspectives]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 2016, vol. 6, no. 5A, pp. 377-389. (In Russ.).
12. Simvoly i allegorii kitaiskogo sada [Symbols and allegories of the Chinese garden]. URL.: <http://ru.gbtimes.com/kultura/simvoly-i-allegorii-kit>. (accessed: 25.03.2023).
13. Shveitser A.D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty [Translation theory: status, problems, aspects]. Moscow, Nauka, 1988, 215, pp. 17. (In Russ.).
14. Florenskii P.A. Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Mysl', 1994, vol. 1. 806 p. (In Russ.).
15. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction, Editura Universitatii din Suceava. – Roumanie. 2014. № 21. С. 37–60.
16. 邓炎昌, 刘润清. 语言与文化—英汉语言文化对比 [M]. 外语教学与研究出版社, 2006:78. [Дэн Яньчан, Лю Жунцин. Язык и культура – Сравнение английского и китайского языков и культур [M]. Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2006. С. 78. (In Chinese)].
17. 刘巍, 浅谈汉俄文化差异对翻译中词语理解的影响[D], 北京师范大学, 2003:2-7.[D] [Лю Вэй. Влияние различий в китайской и русской культурах на понимание слов в переводе] // Пекин: Пекинский педагогический университет, 2003. С. 2–7. (In Chinese)].
18. 宋华, 王正仁. 从中国传统美学看中国翻译理论的“向心”文化特征[J]. 太原师范学院学报(社会科学版), 2004(1):108-110. [Song H., Wang Z. From the Perspective of Traditional Chinese Aesthetics on the «Central» Cultural Feature of Chinese Translation Theory // Journal of Taiyuan Normal University (Social Science Edition). China. 2004. № 1. pp. 108-110. (In Chinese)].

Информация об авторах

Т.Д. Попкова – доктор культурологии, доцент, кафедра педагогики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Фэн Вэнь – аспирант, кафедра общего и русского языкознания,
Российский университет дружбы народов.

Information about the authors

T.D. Popkova – Grand Ph. D. (Cultural Studies), Associate Professor,
Department of Pedagogy,

Perm State University;

Feng Wen – Postgraduate Student,
Department of General and Russian Linguistics,
Peoples' Friendship University of Russia.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.